
6. За порогом рациональности: некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации*

Возрастание интереса представителей самых разных направлений психологии, поведенческих и социальных наук к изучению проблемы коммуникации в целом, невербальной коммуникации в частности обусловлено несколькими причинами. Первая из них состоит в том, что сфера общения занимает все больше места в жизни общества. Эта ситуация и определяет вторую часть — прагматическую причину роста интереса к проблеме коммуникации, приводящую к появлению практических руководств по эффективному использованию знания, навыков и приемов невербального общения в межличностных отношениях. Историческим предшественником появления подобного рода руководств является старое учение о распознавании характера человека по его внешнему облику — физиогномика. Вышедшее в России в 1886 г. сочинение П. Мантегаццы «Физиономия и выражение чувств» [15] во многом похоже на современные руководства по невербальной коммуникации, если сравнить поставленные задачи. Так, авторы предисловия Н. Грот и Е. Вербицкий пишут: «Оно может быть полезно и назидательно в особенности для педагогов, стремящихся серьезно поставить дело воспитания юношества, для живописцев, ваятелей и вообще художников, изучающих и изображающих человеческие типы, и, наконец, для актеров, стремящихся воплотить в живые образцы бессмертные типы драматического искусства» [15, с. XII]. Мантегаццы описывает азбуку мимики, пытается раскрыть зависимость мимики от этнической принадлежности человека и его профессии, выделяет антропологические признаки для распознавания интеллектуальных и нравственных особенностей личности. Незаслуженно забытым практическим руководством, по своей разработанности вполне

* Опубликовано совместно с Е.И. Фейгенберг (см.: Краткие комментарии)

способным выдержать конкуренцию с некоторыми пособиями 80-х годов, посвященными языку тела — *bodi language*, является сочинение С. Волконского «Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсартру)» [5]. Интересны авторские представления о *семиотике* жестового общения. «Семиотика... имеет своим предметом изучение тех *внешних* признаков, которыми выражается *внутреннее* состояние человека... Семиотика говорит нам: такому-то знаку соответствует такая-то страсть (у него брови сдвинуты, *значит* он страдает). Эстетика говорит нам: такой-то страсти соответствует такой-то знак (он страдает, *значит*, надо сдвинуть брови)» [5, с. 68].

Прототипом языка жестового общения, конструируемого Волконским, выступает нотная запись, а не тот или иной алфавит письменной речи. При анализе подобного рода руководства по невербальной коммуникации не только убеждаешься в справедливости истины, что новое — это хорошо забытое старое, но и начинаешь проникаться ощущением, что старое порой чем-то богаче и точнее нового. Так, Волконский более осторожно подходил к обсуждению аналогии между алфавитами «Языка тела» и «языка речи», чем автор вышедшего в 1987 г. практического руководства по невербальной коммуникации «языка тела» Г. Вейнрайт [47]. Руководства по невербальной коммуникации, изданный в конце XX в., отличаются от руководств, изданных в конце XIX в., тем, что их адресат существенно расширяется, так как в большинстве профессий успех все больше зависит от степени владения навыками межличностного общения в разных социальных группах.

Следующая причина возрастания интереса к проблемам невербальной коммуникации далеко не всегда осознается, поскольку связана исключительно с невербальными формами общения. Современный человек живет в мире слов, в лингвистическом мире, а древнее высказывание «вначале было слово» во многом определяет логику исследований в поведенческих и социальных науках. Так, в своем исследовании «Роботы, человек и психика: психология в современном мире» Л. фон Берталанфи пишет: «...объективный мир... от тривиального окружения до книг, автомобилей, городов и бомб, является не чем иным, как материализацией символической деятельности» [27, с. 22].

Положение о языке, как основе мира культуры, о том, что языка без голоса не бывает, формулирует известный

лингвист Э. Бенвенист: «...Способность к символизации у человека достигает своего наивысшего выражения в языке, который является символический по преимуществу; *все другие системы коммуникации — графические, жестовые, визуальные* и т.д. — производны от языка и предполагают его существование» [3, с. 80]. Подобная позиция может быть охарактеризована как *лингвоцентризм* — изучение любых видов коммуникации по образу и подобию языка человеческой речи. Такого рода позиция и связанная с ней точка зрения о превращении мира человека в мир лингвистических символов, а самого человека — в «языковую личность» [11] приводят к появлению и распространению построений, способных разрушить монополию рациональности и лингвоцентризма в понимании человеческой природы. В частности, по мнению В.В. Налимова [17], попытками протеста против чисто логического рационального осмысления мира являются стремление утвердить внеязыковую культуру философии дзен-буддизма и использование современных технических средств при построении некоторых форм внеязыковой коммуникации. В дзен-буддизме разработаны разные приемы, с помощью которых удается освободить сознание от «словесно-логических ловушек», помочь пережить внеязыковое восприятие мира. По сути, тем же целям, открывающим новые возможности межличностного общения, служит так называемое синтетическое кино, скорее выражающее мировосприятие, чем объясняющее его средствами языка (см. [17]). К указанным попыткам противопоставить нечто иное лингвистической модели мира близко новое социологическое направление — этнометодология. Авторы данного направления Г. Гарфинкель и его коллеги предложили специальный тип бесед. Такие беседы заставляют испытуемых выйти за пределы принятых в культуре социальных норм общения и обратиться к смыслам ситуации, не поддающимся переводу на дискретный язык общения (см. [21]). Приведем один из примеров такой беседы. Испытуемый: «У меня скучная квартира» Экспериментатор: «Что Вы имеете под этим в виду?» Испытуемый (явно озадачен и отвечает враждебным тоном): «Что Вы имеете в виду, сказав, что я имею в виду? Скучная квартира есть скучная квартира, вот что я имею в виду. Ничего особенного: Что за идиотский вопрос!» [21, с. 426]. Этнометодолог пытается нарушить принятые правила общения в ситуации взаимодействия, за-

ставить испытуемого перейти от текста к подтексту, от значений — к неосознаваемым смыслам. Как бы ни были различны дзен-буддизм, поиски внеязыковых техник коммуникации, методы, приводящие к расшатыванию привычных форм закрытого вербального общения этнометодологии, — все они исходят из представлений о существовании в общении между людьми особой реальности, отличной от символического языкового мира. В стремлении к пониманию этой реальности кроется связанная с поиском иного научного мировоззрения причина особого внимания к исследованиям невербальной коммуникации.

Именно лингвоцентризм обусловил тот факт, что проблема невербальной коммуникации не стала предметом рассмотрения в психологии речевого общения и как бы выпала из психологии понимания, психологии личности, социальной психологии и этологии. Между тем и в психологии речи, особенно при постановке вопроса о соотношении мысли и слова, представление об оформленности мысли жесткими языковыми рамками после классического труда Л.С. Выготского «Мышление и речь» начало подвергаться пересмотру. В лингвистике же лингвоцентризм был непоколебимым. Бенвенист писал: Языковая форма является... не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками. *Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику.* Таким образом, стоит лишь без предвзятости проанализировать существующие факты, и вопрос о том, может ли мышление обойтись без языка... оказывается лишенным смысла» [3, с. 105]. Если последовать предложению Бенвениста и проанализировать факты и некоторые теоретические построения о связи языка не только с мыслью, но и с другими знаковыми системами, то постулат о преобладании лингвоцентризма начнет вызывать серьезные сомнения.

Так, психолингвист Д. Слобин [19], во многом разделяющий представления Выготского о соотношении мысли и речи, приводит исследования Смита, показавшего сохранность сознания и коммуникации у испытуемого, который был полностью лишен возможности управлять своей речевой мускулатурой. Слобин вслед за Выготским проводит резкое разграничение между *симультанном* характером мысли и *сукцессивным* характером речевых высказы-

ваний. Отсюда вытекает, что «динамические смысловые системы» [6], представляющие единство аффективных и интеллектуальных процессов, в принципе не могут быть переведены на язык внешней речи. В этом идеи Выготского созвучны введенному Бенвенистом *принципу избыточности в сосуществовании семиотических систем*. Между семиотическими системами не существует «синдонимии»; нельзя «сказать одно и то же» с помощью слов и с помощью музыки, то есть с помощью систем с неодинаковой базой» [3, с. 77-78]. Разрабатывая этот принцип в рамках общей лингвистики, Бенвенист выделяет три типа отношений между разными семиотическими системами: 1) отношения порождения; 2) отношения гомологии; 3) отношения интерпретирования. Пример отношений первого типа — азбука слепых Брайля или стенография. В отношении порождения некоторая специализированная семиотическая система строится по образу и подобию алфавита письменной речи. Жестовый язык глухонемых — пример отношения гомологии, или соответствия: тот или иной жест соответствует слову языка. И наконец, из отношений интерпретирования вытекает, что язык всегда выступает как интерпретант любых других семиотических систем, как лингвистических, так и нелингвистических. Но даже описанный Бенвенистом принцип избыточности в существовании семиотических систем и разные типы отношений между этими системами показывают неоднозначность и неперебиваемость целого ряда проявлений невербальной коммуникации в лингвистические семиотические системы. Наряду с выделенным Выготским положением о симультанном характере динамических смысловых систем эти идеи Бенвениста позволяют заключить, что, хотя язык речи — интерпретатор любых других семиотических систем, между невербальной и вербальной коммуникациями в большинстве случаев не существует прямых переходов.

Несмотря на то, что исследования на общей лингвистике Бенвениста довольно известны, а культурно-историческая концепция развития психики Выготского становится все более популярной, выделенные в них исследования положения практически не оказали влияния ни на один из трех основных подходов к коммуникации в зарубежной психологии, а также на немногочисленные отечественные исследования по невербальной коммуникации (см., например, [7, 12]). В «Энциклопедическом словаре психологии»

(1983), вышедшем под редакцией известного английского социального психолога и философа Р. Харре, отмечается, что наибольшее распространение в исследованиях коммуникации получили следующие подходы: информационный, интеракционистский и теория коммуникативной отнесенности.

Информационный подход к коммуникации базируется на нескольких допущениях, прежде всего на положении о дискретном корпускулярном распространении потока коммуникации посредством «упакованных» в словах и жесты значений. В этом подходе также предполагается, что тело человека, особенно лицо, глаза и руки, представляют собой экран, на котором высвечиваются его установки, эмоции и мысли. В контекст информационного подхода к коммуникации выделяют две главные группы исследований. Первая из них основывается на математической теории передачи электронных сигналов Шеннона, созданной в 1949 г. Вторая группа сформировалась в социологии в начале 60-х годов благодаря исследованиям Э. Гоффмана. В его модели коммуникационного обмена выделяются четыре элемента: а) коммуникационное соглашение, договор, сложившийся внутри определенной группы индивидуумов; б) коммуникационные стратегии, которые стороны принимают, разыгрывают, вступая в контакт друг с другом; в) коммуникационные рамки, ограниченные, обусловленные различными экологическими, техническими, эмоциональными и интеллектуальными обстоятельствами, сковывающими выбор той или иной стратегии общения; г) интерпретационные фреймы или схемы, направляющие и регулирующие способы восприятия и общения между людьми. Драматургическая модель Гоффмана, стремящегося сконструировать репертуары сценариев взаимодействия людей в повседневной жизни, занимает промежуточное положение между традиционным информационным подходом к коммуникации и исследованиями коммуникации, которые проводятся в русле символического интеракционизма, восходящего своими корнями к теории Дж. Лиды (см. [21]).

Интеракционистский подход к изучению коммуникации сложился в середине 60-х годов нашего века. В контексте этого подхода могут быть выделены пять наиболее общих концепций коммуникации. Первая из этих концепций принадлежит американскому психологу Р. Бёрдвистлу, исследования которого в конце 40-х годов возродили инте-

рес к изучению невербальной коммуникации — к созданию языка движений тела. После появления в 1872 г. классического труда Ч. Дарвина «Выражение эмоций у животных и человека» вплоть до 50-х годов XX в. проблема невербальной коммуникации оказалась на периферии разных направлений поведенческих и социальных наук (см. об этом [38]). В психологии исследования Бёрдвистла, а в этологии — Н. Тинбергена (см. [38]) стали толчком к появлению нового потока работ по невербальной коммуникации. Бёрдвистл одним из первых начал изучать общение в ходе анализа движений тела. Он создал направление исследования невербальной коммуникации, которое назвал *кинесика*. «Кин» — мельчайшая единица движения, как бы буква движения тела, считывая которую можно в итоге интерпретировать передаваемые через жесты или другие движения тела сообщения. В 60-х годах Бёрдвистл предложил «лингвистическую» модель невербальной коммуникации. Он отстаивает следующую точку зрения: несмотря на разнообразие интеракций между людьми, все символические интеракции имеют один и то же ограниченный репертуар, состоящий из 50—60 элементарных движений, жестов или поз человеческого тела. По его мнению, развертывающееся поведение складывается из кинем — элементарных единиц, точно так же, как звуковая человеческая речь организуется из последовательности слов, предложений и сообщений. На наш взгляд, представления о невербальной коммуникации Бёрдвистла — это наиболее концентрированное выражение позиции лингвоцентризма. «Лингвистическая» модель Бёрдвистла вступает в противоречие с развиваемым в рамках лингвистики принципом избыточности в сосуществовании семиотических систем, так как, по сути, основывается на отождествлении языка речи и языка тела.

Интересно, что сходные с «лингвистической» моделью языка тела представления нашли свое отражение в 1939 г. в трехтомной монографии И.А. Соболевского «Кинестическая речь на производстве» [20]. Шум на ткацком производстве вынуждает работников создавать ручные системы коммуникации. Приведем несколько фрагментов из исследования Соболевского, имеющих коммуникативное значение: «...Кинестическая речь осуществляется на производстве в следующих трех формах: а) ручная речь (линейная = язык жестов); б) пантомимическая («всем видом показы-

вает» — как определяют ее ткачи) и в) мимико-артикуляторная («по устам»).

По своему *строю* кинетическая речь — аморфно-синтетическая: части речи недостаточно отдифференцированы, формы словоизменения и словообразования отсутствуют. *Решающее значение имеет контекст, конкретная ситуация разговора.*

...Анализ кинетической речи приводит к понятиям: а) кинесинтагмы (кинетическое предложение); б) кинелексемы (кинетическое слово) и в) кинемы (простейший элемент кинетической речи), а также и к необходимости выработать систему графической записи (кинеграфемы), приложимой к любой форме кинетического языка. Учение о кинесинтагме составляет синтограмматику; учение о кинелексеме составляет кинетику (антропокинетику)» [20, с. 108-109]. Еще раз отметим, что лингвистическая модель Бёрдвистла и антропокинетики во многом сходны, например названия исходных элементов алфавита движений — «кин» и «кинема». Вместе с тем Соболевский распространяет свою схему на искусственно созданную кинетическую речь, в которой человек жестом заменяет слово, в то время как Бёрдвистл следует положению об исходно лингвистическом характере семиотической системы языка тела.

В русле интеракционистского подхода к коммуникации весьма популярны модель «социальных навыков» М Аргайла и А. Кендона [26] и модель «программ» А. Шефлена [41]. В модели «социальных навыков» Аргайла коммуникация рассматривается как иерархическая последовательность возникших в процессе научения «шагов». По Шефлену, «программы» разного уровня сложности интернализуются участниками коммуникации и дают возможность организовать поведенческий материал в осмысленные интеракции.

Теория коммуникативной относительности, по существу, объявляет коммуникацию основным пространством жизни людей и опирается на общую теорию систем [28]. Эта концепция находится пока на начальной стадии разработки.

При рассмотрении вопроса о связи различных концепций коммуникации с прикладными исследованиями «языка тела» складывается впечатление, что в этих исследованиях, например в популярных руководствах по невербальной коммуникации Дж. Фаста «Язык тела» [31] и Г. Вейнрайта «Язык тела» [47], при описании невербальных знаковых

систем преобладает феноменологический подход. Так, при изложении классификации жестов (а жест — наиболее выразительное средство невербальной коммуникации, используемое в общении более широко, чем контакт глазами, выражение лица, поза и движение головы) как рядоположенные даются описания функций жестов М. Аргайла и П. Экмана. По Аргайлу, могут быть выделены пять функций жестов: иллюстрирование и другие связанные с речью знаки: конвенциональные жесты; движения, выражающие эмоции; движения, выражающие личность; жесты, используемые в различных ритуалах [26]. П. Экман и В. Фриссен в свою очередь также предложили выделить пять групп жестов, но по иным основаниям: «жесты-иллюстраторы», то есть движения, поясняющие речь; «жесты-регуляторы», то есть движения, сигнализирующие об изменениях активности субъекта в процессе коммуникации; «жесты-адапторы» — различные движения вроде потирания рук, почесывания затылка, отражающие эмоциональные состояния субъекта в ситуации общения; жесты, непосредственно выражающие аффект [30].

Классификация жестов Аргайла, как и классификация Экмана и Фриссена, не имеет прямой связи с концепциями коммуникации, развиваемыми этими исследователями. В некоторых случаях при характеристике тех или иных проявлений невербальной коммуникации усматривается слабое влияние психоаналитических концепций, особенно при интерпретации языка и репертуаре поз, по-разному выражающих характер личности.

Различные позы и их вариации, будь то позы «стоя», «сидя» или «лежа», как и жесты, во многом зависят от культурного контекста. В позах человека проступают психогенные травмы и аффективные комплексы, отражающие перенесенные в прошлом жизненные кризисы. Например, человек, оправившийся после тяжелой депрессии, несет ее след в своей позе, продолжая сутулиться или вяло двигаться. Поза может выступить знаком уверенной или, напротив, настороженной установки личности в общении между людьми. Следует сказать, что в представлениях о «языке тела» мы сталкиваемся лишь с отголосками идей психоанализа или упомянутых выше теорий коммуникации.

Несколько иным по сравнению с кинесикой является созданное антропологом Э. Холлом и развиваемое Р. Сомером направление, называемое «пространственной пси-

хологией», или «проксемикой» (термин Холла). В своих исследованиях Холл подверг детальному анализу закономерности пространственной организации общения, влияния расстояния между людьми, их ориентации в пространстве на характер межличностных отношений. Если для кинесики исходным стало исследование Бёрдвистла «Введение в кинесику» [28], то отправной точкой появления проксемики считаются труды Холла «Молчаливый язык» [33] и «Скрытое измерение» [34], а также исследование Соммера «Личностное пространство» [43].

Проксемика, как и кинесика, в своих истоках восходит к сравнительным исследованиям поведения животных и человека, прежде всего к фундаментальному труду Дарвина «Выражение эмоций у животных и человека» [8]. Однако если для мимики, поз и жестов зоной поиска аналогий стали именно телесные выражения эмоций животных (см. об этом, например, [10]), то проксемика опиралась на этологические исследования территориального поведения животных [38]. По мнению Р. Хайнда, в 50-х годах цикл работ по невербальной коммуникации был возрожден социальными психологами независимо от этологов. Этот факт важно выделить, так как потеря связи исследований невербальной коммуникации с психологией эмоций, разведение кинесики, проксемики и психологии эмоций по разным ведомствам привело в итоге к изоляции исследований невербальной коммуникации от историко-эволюционного подхода, которому они обязаны своим рождением в поведенческих и социальных науках.

Последствия игнорирования принципа развития и лингвоцентризм при изучении невербальных семиотических систем проявились в смещении филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации, а также в том, что вопрос о генетических корнях вербальной и невербальной коммуникаций практически замалчивается в современной психологии. Более того, если «язык тела» строится по образу и подобию языка речи, то вопрос об их генезисе и перекрестках в истории природы, общества и человеческой личности в принципе не может быть поставлен. Выготский в 1934 г. писал: чтобы понять соотношение мышления и речи, необходимо не отождествлять их друг с другом в стиле Дж. Уотсона, а выделить их отличия и проследить траектории развития. Аналогичная задача встает и при изучении генетических и

функциональных связей разных лингвистических и нелингвистических семиотических систем. Если эта задача будет оставлена без внимания, то исследования невербальной коммуникации могут пойти по пути поверхностных аналогий. Так, например, некоторые исследования К. Лоренца отстаивают положение: такие экспрессивные движения, как улыбка и плач, сходны во всех человеческих культурах и не зависят от культурных различий между людьми (см. об этом [38]).

Следующий шаг на этом пути — утверждение филогенетической древности и тем самым сходной природной детерминации мимической экспрессии у приматов и человека [10]. В другую крайность впадает Бёрдвистл, утверждающий, что анализ поведения животных ничего не может внести в понимание человеческого общения. «Прогресс в этой запутанной области связан с кросскультурными исследованиями Экмана (1977) и Экмана, Фриссена (1969, 1975), которые тщательно классифицировали различные типы невербальных знаков и описали степень, в которой каждый из этих знаков является панкультурным, а также природу культурных различий там, где они имеют место. Те знаки, которые имеют панкультурную основу, являются преимущественно выражением аффекта. Другие категории знаковых движений, такие как «символы», замещающие слова, и знаки, иллюстрирующие и регулирующие вербальное общение, обычно специфичны для культуры и нуждаются в индивидуальном обучении» [38, с. 217].

Проблема соотношения филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации, их связи с речью имеют значение как для общей психологии, так и для нейропсихологии и психотерапии. Встает вопрос о том, как связана филогенетическая древность тех или иных форм невербальной коммуникации у человека с организацией функциональных психофизиологических систем, обеспечивающих реализацию этих форм невербальной коммуникации в процессе межличностных отношений. Между тем немногочисленные клинические исследования невербальной коммуникации А. Шефлена [40, 41]. П. Вотчела [46], описание попыток использования невербального поведения в психотерапии [24] не ставят задачу изучения эволюционно-исторических аспектов нелингвистических семиотических систем.

Распространенный в ряде клинических исследований

невербальной коммуникации лингвоцентризм приводит к поиску прямых связей между нарушениями речи и невербального общения. Так, еще Хед [36] видел причину ослабления способностей к передаче жестов к опознанию пантомимы в общем дефекты символической активности. Даффи и Пирсон [29] также объясняют неспособность опознания пантомимы нарушением центральной символической активности. Идея Хеда [36] получает свое подтверждение при изучении жестовой афазии у глухих. Вместе с тем Келман, Роси и Валенштайн [37] описали пациентов с нарушенной речью и сохраненной способностью к опознанию пантомимы. При анализе нарушения опознаний пантомимы у больных с афазией Варней [44, 45] установил, что такие нарушения наблюдаются при алексии, которая далеко не всегда связана с расстройствами опознания пантомимы. Из данных исследований вытекает, по мнению Роси [39], что хотя нарушения речи и опознания пантомимы могут коррелировать друг с другом, они представляют собой различные феномены.

Не укладывающиеся в представления о речевой природе невербальной коммуникации факты могут быть рассмотрены в контексте деятельностного подхода к анализу общения. С позиций этого подхода не может существовать прямой связи между нарушениями речи и невербального общения, так как невербальное общение — непосредственное выражение в поведении человека его смысловых установок; через речь прежде всего передаются значения [13].

Невербальная коммуникация является преимущественно проявлением смысловой сферы личности. Она представляет непосредственный канал передачи личностных смыслов. Личностные смыслы — вот то, что передается посредством невербальной коммуникации. С помощью выдвигаемого представления о сематике невербальной коммуникации можно объяснить, почему многочисленные попытки, спровоцированные лингвоцентрической установкой и имеющие целью создать код, словарь, дискретный алфавит языка невербальной коммуникации, были безуспешны. Сложности, возникающие при воплощении симультанных динамических смысловых систем личности в дискретных равнодушных значениях, выразительно описанные Выготским, все особенности природы мотивационно-смысловых образований личности предрешают неудачу

поиска дискретных формализованных «словарей» жестов и телодвижений [1, 2].

Анализируя процесс понимания речи, его значение для психологической науки, А.Р. Лурия писал: «Несмотря на то, что учение о речевых нарушениях, возникающих при локальных поражениях мозга — афазиях, возникло более ста лет назад, психолингвистический анализ этих нарушений остается еще незавершенным, и можно с уверенностью сказать, что пройдены лишь первые этапы этого сложнейшего пути.

Однако нет сомнений в том, что этот путь позволит в конечном итоге понять строение и мозговые механизмы тех сложнейших процессов речевой коммуникации, которые отличают человека от животного и которые являются ключом к анализу наиболее сложных форм сознательной деятельности» [14, с. 306]. Нет сомнений также и в том, что исследования невербальной коммуникации, преодолев позицию лингвоцентризма и уход от историко-культурного анализа генезиса разных семиотических систем, помогут продвинуться в исследовании высших форм человеческого общения, намеченном культурно-исторической психологией.

Литература

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.
2. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1987.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Бодалева А.А. Личность и общение // Избр. труды. М., 1983.
5. Волконский С. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту). СПб., 1913.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М., 1981. Т. 2.
7. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
8. Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека // Соч. М., 1953. Т. 5.
9. Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М., 1987.
10. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
12. Лабунская В.А. Невербальное поведение. Ростов, 1986.
13. Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. М., 1945.
14. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
15. Мантегацци П. Физиономия и выражение чувств. Киев, 1886.
16. Мелибруда Е.Я. Ты — мы. М., 1986.
17. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1979.

18. *Панов Е.Н.* Знаки, символы, языки. М., 1980.
19. *Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика. М., 1976.
20. *Соболевский И.А.* Кинетическая речь на производстве // Семиотика пространства и пространство семиотики: Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. Т. XIX.
21. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.
22. *Фейгенберг Е.И.* Невербальная коммуникация как канал передачи личностных смыслов // Активизация личности в системе общественных отношений: Тез. докл. VII съезда Общества психологов СССР. М., 1989.
23. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.
24. *Юнова Г.* Невербальное поведение и его использование в психотерапии. Краков, 1975.
25. *Argyle B.* Bodily communication, Methuen, 1975.
26. *Argyle M. Kendon A.* The experimental analysis of social performance // Advances in experimental social psychology / Ed. L. Berkowitz. L., 1967.
27. *Von Bertalanffy L.* Robots, men and mind Psychology in the modern world. N. Y., 1967.
28. *Birdwhistell R. L.* Introdyction to kinesics. Univ of Louisville Press, 1952.
29. *Duffy J. Pearson K.* Pantomime in aphasic patients // Speech Hear Res. 1975. V. 18.
30. *Ekman P., Friesen W.V.* Unmasking the face. New Jersey, 1975.
31. *Fast J.* Body language. London — Sydney, 1978.
32. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. L., 1974.
33. *Hall E.* The silent language. N. Y., 1959.
34. *Hall E.* The hidden dimension. N. Y., 1966.
35. *Harre R., Lamb R.* (Eds) The encyclopedic dictionary of psychology. Oxford. 1983.
36. *Head H.* Aphasia and kindred disorders. L., 1926.
37. *Heilman K. M. Rothi L. J., Vslenstein E.* Two forms of ideomotor apraxia // Neurology. N. Y., 1982. V. 32.
38. *Hind R.A.* Ethology Glasgow, 1982.
39. *Rothi L. J., Muck L., Heilman K. M.* Pantomime agnosia // J. Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry. 1986. V. 49.
40. *Schefflen A.E.* Significance of posture in communication system // Psychiatry. 1964. V. 27. №4.
41. *Schefflen A. E.* Quasi-courtship behavior in psychotherapy // Psychiatry. 1968. V. 28.
42. *Schefflen A. E.* Body language and social order. Prentice-Hall, 1972.
43. *Sommer R.* Personal space. Prentice Hall, 1969.
44. *Varney N.R.* Linguistic correlates of pantomime recognition in aphasic patients // J. Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry. 1978. V. 41.
45. *Varney N. R.* Pantomime recognition defect in aphasia: implications for the concept of asymbolia // Brain and Language. 1982. V. 15.
46. *Wachtel P. L.* An approach to the study of body language in psychotherapy // Psychotherapy. 1967. V. 4. №3.
47. *Wainwright G.R.* Body language. Suffolk, 1987.